

МОДЕЛЬ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ А. П. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Ж. А. Колесникова

*Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье предпринимается попытка концептуального анализа повести А. П. Платонова «Котлован». В качестве основополагающих рассматриваются концепты «человек», «пустота», «жизнь», «счастье», «тоска», «скука», «будущее». В процессе анализа упоминаются как специфические, так и узуальные компоненты семантического наполнения концептов, необходимые для постижения организации реальности произведения. Так, индивидуально-авторская картина мира А. П. Платонова генерирует понимание «человека» как бессистемного механизма двупланового содержания, «жизни» как причины смерти и вектора, «пустоты» как потенциальной возможности заполнения и одиночества, «счастья» как неизбежности, «скуки» как предзнаменования смерти и т.д. Между состоянием сущего, спецификой восприятия темпоральных категорий как пространственных и мотивом сиротства выстраиваются отношения подчинения.

Настоящая работа раскрывает такое важное положение для картины мира повести «Котлован», как отдельное бытие предметов и частей тела живых существ. Доказательства тому можно найти в семантическом наполнении перечисленных выше антропологических концептов, а также непосредственно в предикатах и атрибутах при существительных с соответствующей семантикой, частотных префиксах и целых эпизодах повести. Так, бессистемность, разрозненность всего сущего складывается в хаотичную картину дезорганизации мира. А мотив сиротства, предполагающий потерю опекающего субъекта, пересекается с темой богооставленности, введённой А. П. Платоновым с помощью эпизода с попом в церкви и отдельных лексем.

Автор статьи, усматривая связь между философией Владимира Соловьёва и отсутствием объединённости в мироустройстве повести, выдвигает теорию о зависимости отдельного бытия частей всего сущего от вынесения за пределы посюстороннего божественного начала.

Ключевые слова: концепт, бытие, небытие, «человек», «жизнь», «счастье», «тоска», «будущее», «скука», время.

MODEL OF THE WORLD AND INDIVIDUAL IN THE NOVEL "THE FOUNDATION PIT" BY A. PLATONOV

Zh. A. Kolesnikova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article makes an attempt of conceptual analysis of the novel "The Foundation Pit" by A. Platonov where the concepts of `individual`, `emptiness`, `life`, `happiness`, `anguish`, `boredom` and `future` are considered as the basic ones. In the process of analysis, the attention is paid to both specific and conventional components of semantic content of the concepts that are essential for comprehension of the reality structure of the composition. Thus, Platonov's worldview regards `individual` as a systemless mechanism of a two-facet content, `life` as cause of death and a vector, `emptiness` as an opportunity for fulfilment and loneliness, `happiness` as an inevitability, `boredom` as an omen of death and etc. Relations of subordination are built between the universum, the peculiarity of the perception of temporal categories as spatial and the motive of orphanhood.

The article also reveals such an important proposition of the novel as an autonomy of things and body parts. This may be observed in the content of the foregoing anthropological concepts as well as directly in predicates and attributes for the nouns with corresponding semantics, in some frequently appearing prefixes and in entire episodes of the novel. Thereby the inconsistency, the fragmentation of the universon develops into a chaotic picture of the disorganized world. The motive for orphanhood implying the loss of a tutelary entity meets with a theme of godforsakenness, transmitted through the episode about the priest in the church, and with the help of certain lexemes.

As a result, having established the connection between the philosophy of Vladimir Solovyov and the inconsistency of the world in the novel, the author of the article proposes the theory of dependence of the autonomous being of parts within The universon on the intentional outbordering of the immanent divine principle.

Keywords: concept, being, non-being, `individual`, `life`, `happiness`, `anguish`, `future`, `boredom`, `time`.

Исключительный характер индивидуальных представлений о мире находит отражение в языке каждого человека. Помещённые в философский дискурс, видения обрастают символами и особыми ассоциациями, что связано с аккумулятивной функцией языка.

В рамках индивидуально-авторской картины мира можно говорить о целостных метафизических концепциях, репрезентированных в идиостиле, образах, аллегорических описаниях. Наиболее эффективным способом её изучения является концептуальный анализ, «предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте» [3, с. 204].

Обращаясь к центральному понятию данной сферы – концепту, отметим, что разные направления лингвистики рассматривают его как объект своих исследований: лингвокультурологический (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик), когнитивный (Е. С. Кубрякова), психологический (Д. С. Лихачёв), этнофилософский (В. В. Колесов) подходы и т.д. Синтезируя несколько представлений, мы понимаем концепт как ментальную единицу семантического образования, формируемого значением языкового знака.

Последующее изложение демонстрирует попытку концептуального анализа в рамках индивидуально-авторской картины мира А. П. Платонова, сформулированной в повести.

Метафизические герои «Котлована» живут в постапокалиптической действительности, т.е. в мире, пережившем катастрофу, в мире устанавливающемся. Воцев, один из центральных персонажей повести, обеспокоен незакрытым гештальтом поиска истины существования. С этой персоналии мы и начнём постижение концепта «человек», лежащего в основании картины мира А. П. Платонова. Буквально первое предложение произведения позволяет нам ввести семантический компонент концепта: человек являет себя двуплановым существом. На примере утверждения возраста Воцева прослеживается разделение героя на две составляющих – личную и социальную, внутреннюю и внешнюю («В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчёт с небольшого механического завода...») [6, с. 4]. Микрокосм представлен единственным элементом – зияющей пустотой, образовавшейся на месте извлечённого кем-то «убеждённого чувства».

Представляется важным обозначить «пустоту» отдельным концептом, поскольку данное явление характеризует вовсе не только человека А. П. Платонова, но и самый мир. Описывая представления об этом феномене, мы пойдём от периферии к центру. Среди прочих смыслов обозначенного, пожалуй, менее всего выделяется одиночество, представленное инженером, который «боялся пустого домашнего времени» [6, с. 19], и немощным Козловым, который «ночью под одеялом сам себя» любит [6, с. 17]. Семантическим ядром концепта «пустота» является оппозиция

‘отсутствие чего-то’ – ‘возможность образовать что-то’. Так, Воцев угадывал в собственном теле наличие места, где *«ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться»* [6, с. 10]. Отметим, что в данном случае нет надобности выделять «ничто» как отдельную категорию, поскольку автор здесь не имеет в виду Небытие, он подразумевает некогда наличествовавшее нечто. Чаще всего концепт «пустота» эксплицируется в атрибутивной позиции как прилагательное *пустой* (12 словоупотреблений, согласно НКРЯ) и характеризует состояние окружающей среды и предметов, её наполняющих (*«на пустом свете»* [6, с. 33], *«пустым мешком»* [6, с. 17]), человеческого организма и его частей (*«я весь пустой»* [6, с. 71], *«в пустом сердце»* [6, с. 27]), а также отражает субъективное равнодушное отношение Прушевского к грядущему (*«пусть будущее будет чужим и пустым»* [6, с. 34]). Реже (4 вхождения, согласно НКРЯ) репрезентантом выступает существительное, представляющее пространством отсутствие чего-либо (*«а пролетариат живёт один в этой скучной пустоте»* [6, с. 23]) и характеристику имманентного явления (*«в душевной пустоте»*) [6, с. 92]. Завершая разговор о вакууме как черте мира и человека в «Котловане», мы не можем не указать на переключку идей А. П. Платонова и Н. А. Бердяева. Человек творит собственное бытие, взаимодействуя с действительностью и принимая в себя её влияния, потому что он не только *«от мира сего, но и от мира иного»* [2, с. 68]. В этом абсолютном Сотворчестве человек строит действительность, потому особенно трагично выглядит смерть Насти в повести: погибает не индивид, а целый мир.

Ребёнок в произведении – образ особый. Ему необходимо отвести отдельное место в нашем рассуждении. Детство воспринимается как концентрация истины. Если связывать явления произведения с историческими событиями, то можно вывести причину такого осмысления: ребёнок родился в новой реальности – он не знал другой. Идея привести девочку-сироту на котлован принадлежит Жачеву. Выбор оправдан: должна быть именно сирота, потому что общество всё одиноко. Концепт «человек» сопровождают сиротство и тщетность (*«бесприютные массы»* [6, с. 6]) неизменно предаются *«безответному существованию»* [6, с. 7]), – таким образом находит реализацию имплицитно введённая здесь тема Бога, богооставленности.

В качестве номинации человечества, людей в общем часто используется политическое клише *массы* (39 употреблений, согласно НКРЯ), а *prigoi* предполагающее нивелирование различий и индивидуальностей, свойственное советской идеологии. В связи с этим человек вообще обесценивается, он стоит *«наравне с материалом»* [6, с. 13].

Разложение и расщепление – это процессы, непрерывно происходящие с людьми в мире А. П. Платонова. В этой связи можно вспомнить многочисленные упоминания частей живого организма как действующих самостоятельно, вне сцепления с другими элементами, вне системы. Так, голова, глаза, руки и т.д. часто предстают фрагментами, обладающими собственным бытием: *«отверстые глаза наблюдали»* [6, с. 8], *«чувствуя нарастающую силу горющего ума»* [6, с. 10], *«молчаливой головой»* [6, с. 39], *«остановил молящуюся руку»* [6, с. 30], *«прощупывая тщательными глазами»* [6, с. 61]. Всё это служит созданию образа поэтапного расстройтва человека как механизма: будто работа в его организме ведётся лишь на некоторых участках, которые предстают отдельно сущими. То же справедливо и для других обитателей мира «Котлована». В этом контексте можно вспомнить эпизод с собаками, постепенно поедающими элемент – вполне в духе языка А. П. Платонова – обобществлённого скота (*«Но жизнь лошади ещё была цела – она лишь бледнела в дальней нищете, делилась всё более мелко и не могла утомиться»* [6, с. 81]). Итак, концепт «человек» сопровождается сценарий умирания его как системы *«по мелким частям на ходу жизни»* [6, с. 54].

Другой антропологический концепт, достойный анализа, – «скука». Она пересекается с «пустотой» (*«в скучной пустоте»* [6, с. 23]) и воспринимается как предвестник или причина смерти. Юлия, мать Насти, умирает от скуки. А ближе к концу

жизни её дочь, ребёнок пролетариата, всё чаще повторяет, что ей *«так скучно стало»* [6, с. 111]. Так, концепт приобретает морральные ассоциации. Наиболее часто (12 словоупотреблений) рассматриваемый концепт эксплицируется в безлично-предикативных словах, безусловно, характеризующих состояние живых существ и олицетворяющих окружающую действительность (*«скучно собаке»* [6, с. 81], *«мне стало скучно»* [6, с. 45], *«со сволочью нам скучно будет»* [6, с. 91], *«кругом скучно»* [6, с. 19]). Наречие *скучно* встречается 9 раз и представляет признаки как человека и его частей, так и элементов реальности (*«скучно лежала пыль»* [6, с. 4], *«скучно билось его ослабевшее сердце»* [6, с. 76]). В атрибутивной позиции репрезентант данного концепта определяет мир (*«среди скучной ночи»* [6, с. 36], *«скучное место»* [6, с. 27]), лицо (*«скучный мужик»* [6, с. 89]) и интеллектуальное состояние (*«в скучном недоумении»* [6, с. 107]). Глагольная экспликация (8 словоупотреблений) свидетельствует о наличии действия, движения в семантическом поле «скуки».

Концепт «жизнь» находит выражение, как и «тоска» (представленная 11 существительными, 3 прилагательными, 13 формами глаголов и 1 безлично-предикативным словом), в векторности, ориентации на будущее. Но, поскольку всё в мире А. П. Платонова существует вне системы, жизнь отделена от человека и не воспринимается как нечто, безусловно с ним сопряжённое. Уже о будущем говорят: *«тогда назначим жизнь и отдохнём»* [6, с. 19]. Векторность анализируемого концепта связана не только с будущим, но и со «смертью»: *«у нас каждый и живёт оттого, что гроб свой имеет»* [6, с. 54]. Экзистенциальный характер семантического поля «жизни» возникает вместе с восприятием оной как процесса постепенного умирания и причины смерти: *«от жизни все умирают»* [6, с. 107].

Антропологический концепт «счастье» пересекается с концептом «будущее». Первое – это неперемное условие существования человека в лучшие времена (*«для будущего неподвижного счастья»* [6, с. 23]). Счастье воспринимается как неизбежность – *«всё равно <...> наступит исторически»* [6, с. 23].

Вопросы антропологии были в той или иной мере рассмотрены нами выше, значит, имеет смысл перейти к окружающему миру – природе и вещам. Описание состояния бытия не представляется возможным без описания сущего. Всё в мире пребывает зачем-то. Если главный герой сомневается в смысле своего существования, то природные явления взаимосвязаны: ветер дует, *«чтобы люди не задохнулись»* [6, с. 5]. Однако не всё так стройно, распад и бессмысленность можно проследить не только в наблюдениях за человеком: мучается и окружающий мир (*«вопрошающее небо»* [6, с. 5], *«ветхость отживающего мира»* [6, с. 42], *«пахло умершей травой»* [6, с. 15]).

Тема одиночества находит отражение и в пейзажах: *«безлюдная ночь»* [6, с. 11]. Пространство наделяется вполне человеческими атрибутами и предикатами, что являет образ «чувствующего, сознающего» мира (запах *«обнажённых мест»* поля [6, с. 15], *«...точно грусть – стояла мёртвая высота над землёй»* [6, с. 20]). Потеря человеком гармонии с природой выражается в противопоставлении: *«камень нагревался, а Козлов постепенно холодел»* [6, с. 20]. Отличительная характеристика всего сущего в мире А. П. Платонова – это его энтропийность. В таком пространстве возможно существование солнца, которое *«безрасчётно расточало своё тело»* [6, с. 25].

Время в «Котловане» особое, сближающееся, по нашему мнению, с эйнштейновской концепцией взаимообусловленности. Восприятие темпоральных категорий как локальных реализовано в конструкциях с пространственными предложениями (*«отправился в ночь»* [6, с. 5], *«пеший путь лежал среди лета»* [6, с. 6], *«пожить одному среди скучной ночи»* [6, с. 36]) и в образе старика, плетущего лапти, в которых он собирался отправляться в прошлое (*«он сидел под навесом для сырья и чинил лапти, видно, собираясь отправляться в них обратно в старину»* [6, с. 43]). Часто время воспринимается как почти неподвижное, тянущееся бремя (*«Сельские часы <...> терпеливо шли силой тяжести мёртвого груза»* [6, с. 13]), а герои – как застрявшие между двумя вечностями: радостным детством и неизбежно счастливым будущим.

Сделанные умозаключения позволяют нам перейти к бытийному в языке А. П. Платонова. Писатель использует «вещество существования» в качестве обозначения материала-идентификатора Бытия. Мы понимаем его так, как понимал Хайдеггер, – как обращённое к человечеству просветление, которое «предоставляет пространственно-временной зазор, в котором может являться сущее» [8, с. 112]. Но всё сущее в произведении рушится, в том числе человек. Всё распадается на отдельно бытийствующие части. Самый язык А. П. Платонова указывает на то: он про разрушенный мир, собранный по частям, которые так и не начали работать как целое. Оттого часто используются слова с приставкой *из-*(*ис-*) в значении ‘доведение действия до излишнего предела’ («*исчахшие люди*» [6, с. 14], «*тело, истомлённое мыслью*» [6, с. 15], «*истомлённый прах*» [6, с. 43], «*истёршаяся терпеливая ветхость*» [6, с. 96]) и с приставкой *без-*(*бес-*) в значении ‘отсутствие или недостаток чего-либо’ («*приучали бессемейных детей*» [6, с. 4], «*бесприютные массы*» [6, с. 6], «*документы беспланового создания мира*» [6, с. 41], «*безубыточные мужики*» [6, с. 81]).

Так, не отрицая версии И. А. Бродского о том, что Платонов писал на языке некогда популярной «утопии, на языке своей эпохи» [4], мы утверждаем, что А. П., подобно Бальзаку, способному «видеть время в пространстве» [1], смог узреть его в языке.

Всё в мире «Котлована» ожидает наступления Ничто. Вспомним страх одного из персонажей перед небытием: «*не быть он боялся*» [6, с. 65]. Но почему так происходит? Ответом на данный вопрос нам видится реплика одинокого попа в церкви: «*Я не чувствую больше прелести творения – я остался без Бога, а Бог без человека*» [6, с. 76]. Обратим внимание на то, что Бытие Творца не отрицается, а утверждается в отрыве от человека. Так, из имманентного явления Бог превращается в трансцендентное, т.е. он выносится за пределы посюстороннего. Эта идея реализована в образе опустошённого мужика, у которого «*душа ушла изо всей плоти*» [6, с. 71], и теперь он боится улететь к чему-то по ту сторону.

Становится ясно, что эпоха, отражённая А. П. Платоновым в «Котловане», с её идеологией безнадежно пытается достигнуть Всеединства в отрыве от Бога, что невозможно, по В. Соловьёву, поскольку «отпавший от божественного единства природный мир является как хаос разрозненных элементов» [7, с. 104].

Причина крушения некогда существовавшего мироустройства ясна – отказ от Первоначала. А в последней реплике Жачева («*Я теперь в коммунизм не верю*»¹ [5]) находится выход из пут утопизма – это преодоление режима. Тогда Воцев найдёт свою истину в Боге, мировая душа перестанет гибнуть из-за отсутствия стремлений, котлован уже не будет раной на её теле и могилой будущего, тогда наступит неподвижное счастье и, стало быть, вечность.

Итак, проведённый нами анализ позволил выделить основные концепты, на которых зиждется устройство мира повести «Котлован» А. П. Платонова: «человек», «скука», «пустота», «тоска», «счастье», «будущее», «жизнь». Каждый из них имеет специфическое семантическое наполнение по сравнению с узуальным употреблением. «Человек» раскрывается в двух планах: личном и общественном. Микрокосм заменяет пустота, пришедшая на место утраченной истины, именуемой в повести «убеждённым чувством», причём её стихийная потеря воспринимается как решение, принятое не носителями самой истины. Такие семантические компоненты, как бессмысленность и сиротство человечества, вводят тему богооставленности, центральную для понимания причин специфического устройства мира повести.

«Пустота», представляющая не только антропологическим концептом, раскрывается как одиночество и оппозиция «отсутствие – возможность». «Жизнь», как и «тоска», «счастье», «будущее», обнаруживается не как процесс, явление, феномен или состояние, а как вектор, направление, ориентация. Концепт «скука» содержит мотив смерти.

Маркерами состояния бытия выступают «вещество существования», а также расщепление и разложение как семантические компоненты концепта «жизнь». Эти процессы способствуют созданию картины отдельного бытия всех предметов окружающего мира, в том числе частей тела человека. Мир как бы находится в состоянии первоначального хаоса, где каждый его элемент не сопряжён с системой, а существует самостоятельно. Так пересекаются мотив богооставленности и разрозненность всего сущего. Зависимость бессистемного устройства мира от отрицания теодицеи выводится в связи с философией Владимира Соловьёва. Таким образом, преодоление существующего миропорядка возможно только при отказе от режима, о чём свидетельствует последняя реплика Жачева.

Примечания

1. Цитату мы приводим по изданию, загруженному в НКРЯ, поскольку в советских изданиях реплика содержит редакторские правки.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе [Электронный ресурс] // Институт исследований природы времени : сайт. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения: 03.05.2021).*
2. Бердяев Н. А. *Смысл творчества*. М.: АСТ, 2018. 416 с.
3. Болотнова Н. С. *Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3-4. С. 198–207.*
4. Бродский И. *Послесловие к «Котловану» А. Платонова [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова : электронная библиотека. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (дата обращения: 01.05.2020).*
5. *Подкорпус “Котлован” А. П. Платонова [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка : сайт. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 03.05.2021).*
6. Платонов А. П. *Котлован ; Ювенильное море : повести*. М.: Худож. лит., 1987. 192 с.
7. Соловьёв В. *Чтения о Богочеловечестве / ред., вступ. ст. и коммент. С. П. Заикина*. СПб.: Азбука, 2014. 384 с.
8. Хайдеггер М. *Положение об основании*. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при Филос. фак. СПбГУ : Алтейя, 2000. 290 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel]*. Institut issledovaniy prirody vremeni. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (accessed: 03 May 2021). [In Russian].
2. Berdiaev N. A. *Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]*. Moscow: AST publ., 2018. 416 p. [In Russian].

3. Bolotnova N. S. Poeticheskaia kartina mira i ee izuchenie v kommunikativnoi stilistike teksta [Poetic picture of the world and its study in the communicative style of the text]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. Novosibirsk, 2003. Issue 3-4. Pp. 198–207. [In Russian].
4. Brodsky I. Posleslovie k “Kotlovanu” A. Platonova [Afterword to “The Foundation Pit” by A. Platonov]. *Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova*. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (accessed: 01 May 2020). [In Russian].
5. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. «Podkorpus “Kotlovan” A.P. Platonova»*. [National corpus of the Russian language. «Subcorpus “The Foundation Pit” by A.P. Platonov»]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 03 May 2021) [In Russian].
6. Platonov A. P. *Kotlovan; Iuvenil'noe more: Povesti. [The Foundation Pit; The Juvenile Sea: Novels]*. Moscow: Khudozh. Lit. publ., 1987. 192 p. [In Russian].
7. Solov'ev V. Chteniia o Bogochelovechestve [Readings on God-manhood]. Ed., introductory article and comments by S. P. Zaikin. St. Petersburg: Azbuka publ., 2014. 384 p. [In Russian].
8. Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii [Regulation on the foundation]*. St. Petersburg: Lab. metafiz. issled. pri Filos. fak. SPbGU publ.; Aletheia publ., 2000. 290 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 26.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 26.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Колесникова Жанна Александровна,
студент 4 курса факультета русской
филологии и документоведения
ФГБОУ ВО «Тулский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: iamjane21@gmail.com).

Information about the Author

Kolesnikova Zhanna Aleksandrovna,
4th year student of the Department of Russian
Philology and Records Management,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: iamjane21@gmail.com).